

Культура

• Пять вечеров

Серия встреч у раскаленного камина. Мы начинаем

Газетное дело короткое: только разговорился — пора закружиться. Собеседник интересен, строчки накручиваются, как счетчик в такси, а — не разгонишься. И вот идея: а если провести с интересным собеседником не один, а пять вечеров? С перерывом на неделю — для осмысления и вопросов? «Пять вечеров» — пробная рубрика, понравится — продолжим. Для начала навестим Эльдара Рязанова. Повод — его новая книга. Тем, кто заинтересуется, стоит помнить: встречи затянются на пять недель. Участвовать в них своими вопросами и репликами может каждый читатель.

Валерий КИЧИН

Планета «Ryazanov»

Так астрономы назвали малую планету, зарегистрированную в международном каталоге под номером 4258. Если планеты называют, значит, это кому-то нужно.

Фильмы Эльдара Рязанова не сходят с экранов и уже много миллионов человеко-часов заполнили смехом и здоровым оптимизмом. В конце 80-х его три года подряд называли лучшим режиссером читатели журнала «Советский экран». В 90-х он стал телезвездой и сделал циклы о любимых актрисах, друзьях по искусству и своих встречах с французскими звездами. Но ТВ имеет свой формат — в эфир попала только небольшая часть материала. Из них еще не выделено и не слышанного Рязанова делает книгу, которую выпустит издательство «Вагриус». Поэтому план такой: сегодня Рязанов расскажет о книге и встречах, остальные четыре вечера мы с ним проведем в Париже. Выбирать из десятков легенд, уже ушедших или ныне здравствующих, было нелегко. После долгих споров остановились на Пьер-Ришаре, Шарле Азнавуре и Жане Маре, а также создателе «Мужчины и женщины» режиссере Клоде Лелуше.

Жадин Делон

— «Парижские тайны Рязанова» на канале RepTV выходили, по-моему, аж года четыре еженедельно!

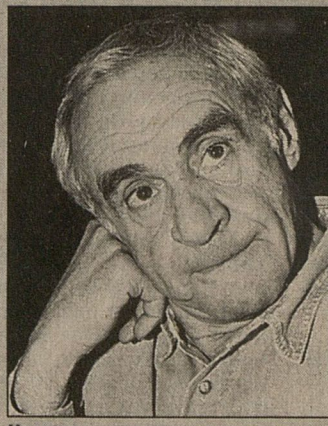
— Ужас. Меня даже стали спрашивать: вы теперь живете в Париже? А мы туда ездили наездами, в общей сложности двух месяцев не наберется. Каждый день — новый «клиент». Денег мы не платили. О деньгах заговорил только Ален Делон, так с ним программы и не было. Он заплатил 30 тысяч долларов — если б у нас были такие деньги, мы бы просто их разделили и разбегались. Поэтому к каждому подбирались персональные отмычки. А после бесед мы дарили бутылку водки и 56-граммовую баночку черной икры — «русский сувенир».

Но было правило: я должен знать о них все. И если за пять дней у меня были Роман Поланский, Пьер Устинов, Клаудия Кардинале и Пьер Ришар — сами понимаете, какая это нагрузка. Причем все французские звезды — как одна большая семья: женились, разводились, заводили любовные интрижки — надо было все это знать, чтоб не ляпнуть не впопад. Так что работа ой-ей-ей.

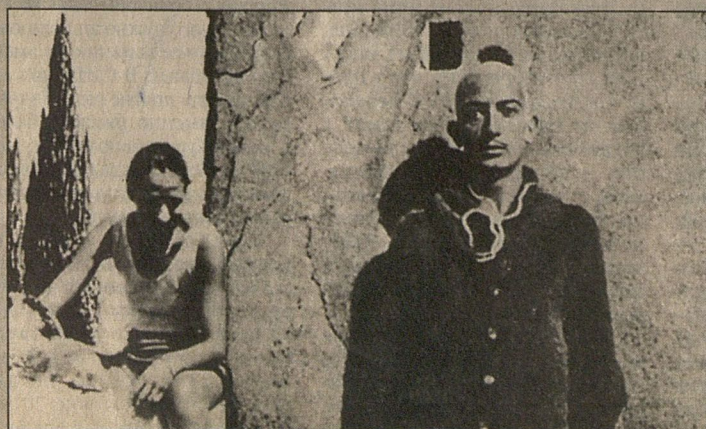
• Планетарий

Роман Гари, он же Роман Кацев

Человек, которого представлять не нужно

Сальвадор Дали и его мышь

Известия. — 2001. — 30 марта. — С. 7

• КК •
85
(К. Кузнецов)

Рязанов и планета

Парижа не видел — с утра до вечера читал или смотрел кассеты. Мне все время переводили какие-то интервью, рассказывали какие-то сплетни, и это была страшная нагрузка, которую никому объяснить нельзя — не поймут.

Зато если человек чувствовал, что я знаю, где он заказывает бутылки, как зовут старшего внука и из какого винограда он делает вино, возникало абсолютное взаимное доверие. И я это понимал. Когда журналист меня спрашивал, почему я стал режиссером, я ему отвечал: прощай навсегда! Потому что нужно знать человека, к которому пришел. Не знаешь — и не приходи.

На этой почве возникали сюрпризы. Ануэк Эме вдруг говорит: ну, вы про меня все знаете, и я не буду скрывать, что встреча с Жераром Филиппом была для меня судьбоносной. Оказалось, там был роман. Или Жан Маре вдруг рассказал, что его мать была клетоманкой. И про Жака Кокто довольно откровенно: «Когда он пригласил сниматься, я понимал, чем мне это грозит. Но я был молод, честолюбив, пришел к нему и через месяц был счастливым как никогда в жизни». В передаче это не вошло — у нас к тому еще не были готовы. Я чувствовал себя «желтой прессой», но мне хотелось, чтобы наши зрители узнали то, что на Западе знает каждый. Например, про Поланского, у которого был «группен-секс» с 15-летней Настасьей Кински и ее 18-летней подругой. Хотя он мне объяснял: это никакой не «группен-секс». «Группен» — это когда значительно больше!».

Это «любовь втроем»... А как все началось?

С идеей рассказать о «русских музах» знаменитых французских. Тут и Анна Ярославна — королева Франции, и Анна Ахматова с Модильяни... там была интересная история — знаете? — Не-а!

— Он же ее рисовал. Но она всегда утверждала, что сохранила только один рисунок, остальные раскрасили красногвардейцы во время революции. Но в 1993 году они нашлись в Венеции! На Биеннале были выставлены десять рисунков обнаженной женщины, в которой была опознана Ахматова. Нашлись они у наследников доктора Поля Александера, который зашел к купил их у Модильяни, и они 80 лет провалялись в доме. И дальше — можно только гадать. Ее роман с Модильяни начался через несколько месяцев после ее свадьбы с Гумилевым. И в Париж она приехала вместе с мужем. Но на следующий год приехала уже одна, тогда и были сделаны рисунки. Думаю, в Россию Ахматова их просто не привезла — она же не могла их никому показать! Гумилев у Модильяни говорил раздраженно, называя пропойцей, хотя Ахматова утверждает, что во время их встреч он совершенно не пил... Вот так. Если о каждом рассказывать, мы просидим неделю.

Французский детектив

— А что, толстая будет книжка?

— Страниц на пятьсот. Четыре главы. Первая: «Русские музы»: Анна Ярославна Киевская, Анна Андреевна Ахматова, Эльза Триоле — жена Арагона, Ольга Хохлова — в замужестве Пикассо, Лидия Делекторская, подруга Матисса — знаете? — Не-а!

— Она была у него натурщицей, служанкой, делопроизводителем, ухаживала за больной женой, стала его моделью и возлюбленной. Матисс ее много рисовал в последние годы жизни, и она на свое жальство покупала его картины. В 1945-м купила шесть картин для дара СССР, причем Матисс дал седьмую —

как говорят, «с походом». Дальше — Мария Павловна Кулашева, дочь русского полковника и его французской гувернантки. Она прочитала «Жана Кристофа» и влюбилась в героя. Завязалась многолетняя переписка с Роменом Ролланом, и в конце концов она стала его женой. Пережила его на 41 год, издала его сочинения, основала два музея. Кругом шушукались: 70-летний классик женился на 40-летней русской авантюристе.

Душераздирающая история

— Я объясню. Молодые считают, что все, бывшее до них, — фуфло, и звать этого не надо. Поэтому моя цель — просвещение. Учебник никто читать не станет, на лекцию никто не пойдет, останется один путь — замечательное просвещение. Вот вы знаете про маму Романа Гари, которого во Франции прозвали Роменом?

— Не-а.
— А про Зиновия Пешкова? — Не-а.
— Пешков один из самых крупных авантюристов XX века. А знаете историю Джин Сиберг, жены Романа Гари?

— Конечно, не-а.
— Если даже вы не знаете — тогда дело плохо!

— А черта с два вы мне сейчас что-нибудь расскажете, если я не все буду отвечать: да зна-аю я!

— Ну про Галя вы, конечно, знаете. Лена Дьяконова, которая была женой Поля Элюара и ушла от знаменитого поэта к неизвестному молодому художнику Сальвадору Дали, он даже не определился еще с сексуальной ориентацией. Она его увезла в гости, и на месяц там заперлась, и научила его любви к женщине. И стала для него всем, потому что сам он не сумел бы даже так сказать. Она была сильная и властная, он с нее писал Христа!.. А знаете исто-

рию Нади Леже? Она училась на художественных курсах в Смоленске, прочитала интервью Фернана Леже, и оно произвело такое впечатление, что она к нему поехала. Ее дважды снимали в Париже, но ей все-таки удалось убежать в Варшаву. Там она напилась в служанки и вышла замуж за сына своего хозяина. Уговорила его уехать в Париж, поступила в академию к Леже, а когда Леже был уже семьдесят, а ей — сорок, она стала его женой. Какая история — детектив, который можно раскручивать без конца!

Гонимый авантюрист

— Ну так что нового про маму Романа Гари?

— Лет пять назад я сам понятия не имел, кто он такой. Но вот получаю письмо из Днепропетровска от Лидии Павловны Кулашевой. «Смотрю ваши «Парижские тайны». Хочу вам подбросить еще одного героя». Читаю: что-то невероятное, такого не может быть! Ромен Гари, по первой фамилии Канев, был рожден в России, в еврейской семье. Мама играла в русском Французском театре под именем Нины Борисовской. После рождения ребенка родители развелись, и всю жизнь его преследовала легенда, что он внебрачный сын Ивана Мозжухина. Причем если посмотреть на фото, то никаких сомнений быть не может: одно лицо. Гари так и не узнал, кто его отец, но ходил в Синагогу и смотрел фильмы с Мозжухиным. И мать всегда хотела, чтоб он был в жизни — как Мозжухин на экране.

Первый язык Гари — русский, в семилетнем возрасте его перевезли в Польшу. Третий его язык — французский. Мать была несчастлива и на сцене и в личной жизни и хотела взять реванш на сыне. Она прочла ему судьбу великого писателя — все сбылось.

Он теперь классик французской литературы, автор более тридцати романов. Многие экранизированы, играли Софи Лорен, Симона Синьоре, среди режиссеров Джон Хьюстон. Он единственный во Франции дважды лауреат Гонимой премии! Когда он постарел и критика стала его кусать так же, как меня, он написал несколько романов под псевдонимом, и один из них получил Гонимую премию. Быть дважды лауреатом этой премии по его статусу нельзя. Он хранил тайну, и двойное лауреатство открылось только после его смерти. Жаль, что нельзя снять фильм под псевдонимом так, чтобы это осталось тайной...

Он был еще и военным летчиком! В 43-м летел бомбить Германию, самолет попал под обстрел. Летчика ранило, он ослеп. Гари был штурманом. Но перебрался в кабину летчика и не позволял стальной переборка. И вот ситуация: над Германией висит бомбардировщик с грузом бомб, его ведет раненый штурман Гари и слепой летчик. Надо освободиться от груза, слепой пилот сбрасывает бомбы, они разворачиваются и идут на Англию, чтобы там прыгнуть на парашюте. Но выяснилось, что кабину заклинило и выброситься пилот не сможет. Но и бросить друга в беде штурман и радист не могут, и они ухитряются с третьей попытки посадить самолет с слепым пилотом. Вех трюх наградили орденом Освобождения.

Но книга, которую мне прислали, была не о том. Она — о его маме. Это лучшая книга о матери, которую я читал. Ее тоже экранизировали, причем маму играла Мелина Меркури, а его самого — племянник Моше Даяна Асаф. Мама жила в Ницце, перед разлукой очень болела, но письма от нее Гари получал всю войну. Письма были странными: на них не было даты, поступали с переборами, но он регулярно на них отвечал. И вот увлеченный боевыми наградами, автор уже знаменитого романа, лауреат премии критики, он едет по Лаурному Берегу, у него в кармане лежит приглашение на дипломатическую службу — все, что предсказала мама, сбывается! Он уже послал ей телеграмму и предвкушает скорую встречу. Но ее нет, она исчезла. Он долго ее ищет и выясняет, что она умерла три года назад. И, зная, что умирает, написала 250 писем и попросила подругу каждую неделю посылать по письму. Такой мамой свет не видывал!

Приключения в Мавзолее

— У меня сейчас ощущение, будто я случайно сюжетом целой фильмотеки потрясенных картин.

— А об этом нельзя снимать игровое кино — слишком невероятно, никто не поверит. Это сильно именно тем, что — правда.

— Но мы застряли на «Русских музах». О чем остальные три главы?

— Вторая глава — «Звезды французского кино»: Марина Влади, Азнавур, Поланский, Марс, Лелуш, Рокс Валдм, Ануэк Эме, Пьер Ришар, Филипп Нуаре, Анни Жирардо.

— Как во французские звезды затесался Поланский? Его больше связывает с Польшей, Англией и Голливудом.

— Он родился в Париже и теперь там живет. Знаете, что его первый успех был в роли Вана Солнцева из повести Катаева «Сын полка»? Он его играл в школьном драмкружке в Польше, и это решило его профессиональную судьбу. У него странная жизнь: мать погибла в варшавском гетто, а он, пацан, выжил. Его жену кинозвезду Шарлотту Тейт на девятом месяце беременности зверски убила банда Чарльза Мэнсона. Потом 42 дня сидел в тюрьме за изнасилование, его друзья бились в истерику, пытались взять его на поруки. Его отпустили, он занял тысячу долларов у Дино Ди Лаурентиса и улетел к сцене фене в Европу. Судья взбешен, и путь в Америку ему теперь закрыт... Ну так вот, о книжке. Третья глава будет называться «В России»: здесь Гердт, Каплер, Висоцкий, Окуджава, Галля и Чичибабин. И последняя глава «Русские космополиты»: Гари, Пешков, Шеминкин, Вертинский.

— Что-то не могу ухватить: какой принцип отбора персонажей?

— А никакого. Только авторский интерес. Книга будет называться «Эльдар-ТВ». У меня не было своего телеканала, а вот в книжке я такой каналчик себе сделал.

— Ваши «клиенты» предъявляли какие-нибудь сюрпризы? Когда при встрече человек оказывается другим, не тем, какого вы себе фантазировали? Вель бывает же: умный на экране

• Рентгенограмма

Таким увидел известного комедиографа vokзалный фотоавтомат

оказывается глупым в жизни и наоборот.

— Бывает. Одна известнейшая певица оказалась очень глупой, но с этим я ничего поделать не мог. Хотя на этот счет есть удивительный анекдот: певцу говорят: «Вы же дурак!» — а он отвечает: «А глос!»... Некоторые были очаровательны, красивы, обаятельны, артистичны, сексапильны, и казалось, что хорошо говорили, а читаешь расшифровку — пустота! Котлеты нет, один гарнир — но какой блестящий!.. Это все приходится отбрасывать — у меня трамвай не резиновый.

— С кем было интересней всего? — С Лелушем. Мы с ним были близки во взглядах — он тоже делает картины для людей. Он не учился кинематографу, просто отец подарил ему любитель-

скую камеру и он с ней сросся. Он стал единственным иностранцем, сумевшим снять Ленина в Мавзолее! Оделся в наши штотки, спрятал камеру под пальто и зычно кашлял во время съемки, чтобы не услышали ее стрекот. Жутко рисковал, между прочим... С Мариной Влади мы разговаривали без перевода. Интересно было про Володю Висоцкого и про ее нынешнего мужа. И ни одного ее фильма мы не упоминали. С Рокс Валдм мы тоже говорили не о фильмах, а о его жене — Брижит Бардо, Катрин Денев, Джейн Фонда... Но самыми интересными для меня были передачи о русских космополитах — тут Диом просто отдыхает.

Сосед по даче

— Расскажите о Гердте. — Он был очень болел, и я понимал, что нужно срочно снять о нем передачу — могу не успеть. Приехали к нему на дачу, и я оделся по-дачному. А он вышел в бабочке, в черных начищенных ботинках и элегантном костюме. «А ты что ж без галстука?» — достал галстук и подарил мне. Я сейчас в нем хожу туда, где мне хорошо. Мы с ним давно знакомы, вместе сочиняли смешные стишки про Чехословакию: «Что это за субчик Александр Лубчик?» — и так валялись дурака, пока туда не вошли наши танки, и мы сочинять сразу перестали. Потом писали поздравление Ромуку к его 70-летию: «А как поступил юбилей с Кузьминой, пусть знает советский народ: он сделал артистку своею женою — все делают наоборот!». Были соседями по дачам, хохлили в тосты, выпили вместе немало. Была и ссора — несколько лет не разговаривали. Потом преодолели и последние годы особенно нежно относились друг к другу. Когда записались кончиться, я сказал: «Знаешь, Яма, а сегодня многое услышал впервые». «Знаешь, я тоже», — ответил он. Переломный сидел человек легкий, остроумный, блестящий. Но выключил камеру — и он на глазах погас. Как широкую лопатку, когда перестают играть марионетки.

Он был одним из моих ближайших друзей. Сейчас жуткая ситуация: вокруг образовалась пустыня. Ушли люди, с которыми у меня были близкие, добрые, дружеские, творческие отношения. Брагиский. Васька Катанян, с которым в 94-м мы отменили полвека нашей дружбы. Бестинцев, Смокутновский, Окуджава, Грин, Галля, страшное дело! «Стою один среди равнины голой»...

Беллетрист

— Вы хорошо пообщались в Париже — не открыли эту вечную тайну: почему мы их знаем и почему они не знают нас?

— А почему нас должны знать в Париже? Раньше там хотя бы существовал кинотеатр «Космос», который считался «коммунистическим». У меня там прошла премьера «Жестокости романа» — полный зал и большой успех. Но дальше эта дача дело не пошло. А теперь и кинотеатра нет. С приходом Горбачева был легкий всплеск интереса к России, и какие-то наши картины стали там появляться. Потом интерес умер, а сейчас к нам просто нетеплотное отношение. Немецкое ТВ отказалось купить «Старые клячи»: фильм им нравился, но они не хотят видеть российскую армию, у которой руки в чешенской крови. Поставил условием эти кадры вырезать. Я отказался.

И решили стать вторым

Дюма?

— Шутки шутками, а я по натуре беллетрист. Критика дурна и считает, что беллетристика — второй сорт. А по мне, беллетристика — придумай те, кто не умеет придумать сюжет. Главные средства воздействия на читателя и зрителя — сюжет, характеры, диалог, музыка. Одно время у нас в кино отказались от музыки, и тоже поддался поветрию. Но это идиотизм. Фильмы без музыки снимают глупые, а фильмы полные музыки — те, кто не умеет придумать диалог. Эти построения полезны, как любая история, но через два года умирают... Так вот, я беллетрист, мне интересно, что будет дальше? Беллетристика — в музыке: Моцарт, Штраус, Шуберт, Шопен, Чайковский — неплохая компания. Но это не Маяковский, не Вагнер и не Малер. И в живописи: «Черный квадрат», извините, — не беллетристика. И Пикассо периода кубизма — тоже. Я подозревал, что он лопаткой нарисовал не умеет. Но в музее на мое имя Антип понял, что умеет все, причем замечательно, — и поэтому имеет право писать так, как он хочет. Но очень многие не умеют и ищут для себя лазейки. То же и в критике — большинство не умеет писать так, чтобы читать было интересно и полезно. Поэтому находят друг друга, сбиваются в стаю и наносят много вреда искусству.

Вот так, отведав дружку комплименты, мы раскрасились до следующей пятницы, где Эльдар Рязанов будет в составе ушедшего блондина в черном ботинке Пьера Ришара. Вопросы, реплики и мнения читателей жду по факсу 209-36-20, по электронной почте kichin@vesti.ru или по телефону (095) 200-30-83 (лимит ответа — 1 минута).

Неизвестная Ахматова. Рисовал известный художник Модильяни